

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ДР.)

Сокурова Ольга Борисовна

канд. искусствоведения, доцент

Институт истории ФГБОУ ВПО

«Санкт-Петербургского государственного университета»

г. Санкт-Петербург

СЛОВО В КУЛЬТУРЕ: АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: в данной статье раскрывается тема слова как смыслообразующего центра культуры. Автор рассматривает труды этнолингвистов и концептуально-культурологическое направление гуманитарной науки, которое рассматривает слово как целостный объект и изучает его на стыке наук – культурологии, лингвистики, философии, литературоведения, искусствоведения.

Ключевые слова: слово, семантика, лингвистика, этнолингвистика, культура, концепт.

Слово формирует мировоззрение, дает человеку, народу, человечеству важнейшие нравственные ориентиры. Слово организует, упорядочивает и объясняет жизнь на всех ее уровнях и во всех проявлениях. Слово – ценностно-смысловое ядро культуры, и разрушение этого ядра грозит культуре гибелью. Не случайно в современных гуманитарных науках наблюдается возрастающий и все более пристальный интерес к слову – не только со стороны филологов, но также историков, философов, богословов, психологов, этнологов, генетиков, математиков, специалистов в области электронных технологий. Слово в наши дни особенно плодотворно изучается на стыке наук. Явно назрела потребность в подведении некоторых важных итогов.

На самой границе XX и XXI века в нашей стране был создан обобщающий труд «Язык о языке» (2000). В этом труде, осуществленном под руководством

крупного отечественного лингвиста Н.Д. Арутюновой, коллективом ученых (К.Г. Красухиным, И.И. Макеевой, С.В. Дегтевым, С.М. Толстой, И.Б. Левонтиной и др.) была поставлена задача комплексного рассмотрения языковой и речевой деятельности в ареале естественной лингвистики. Для этого были исследованы индоевропейские истоки языка и речи, метаязык славян и такие, например, концепты, как слово, язык, речь, значение, смысл.

Необходимо отметить, что в гуманитарных науках на рубеже XX–XXI вв. и на протяжении последних лет стал ощутимо возрастать интерес к национальной языковой картине мира. Содержащиеся в ней ключевые слова, как отмечает профессор Ю.К. Руденко, «с наибольшей глубиной и точностью позволяют изучать и сравнивать специфику национальных культур, постигать особенности менталитета разных народов. В этом смысле передовая наука словно бы вырабатывает иммунные тела против болезненных издержек глобализации и связанной с нею тенденции к стиранию границ между народами, цивилизациями и культурами, превращению их в некую невыразительную, единообразную и легко управляемую массу» [1].

Среди наиболее значимых научных работ в данной области следует выделить, прежде всего, труды всемирно известной польско-австралийской исследовательницы Анны Вежбицкой, а также работы отечественных ученых: Ю.С. Степанова, В.Г. Гака, Л.А. Ждановой, А.К. Перевозниковой, С.Е. Никитиной и других. В 2005 г. увидел свет значительный коллективный труд – «Ключевые идеи русской языковой картины мира», авторы которого, А.Д. Шмелев, А. А. Зализняк, И.Б. Левонтина, давно ведут исследования по выявлению и анализу ключевых слов русского языка и связывающих эти слова инвариантных ключевых культурологических идей. В сборнике представлено самое значительное из того, что было наработано его авторами на протяжении целого десятилетия. Как признают сами авторы, методологически их исследования восходят к теоретическому направлению, разработанному в книгах и статьях упомянутой выше Анны Вежбицкой, которая посвятила свою жизнь изучению семантических универсалий и культуроспецифических слов разных языков. Семантические универсалии

– это «набор фундаментальных человеческих концептов» и «универсальные правила синтаксиса», которые исследовательница считает врожденными и общечеловеческими, и которые вместе составляют «Естественный Семантический Метаязык» (ЕСМ). Концепты ЕСМ (такие, как лицо, вещь, делать, иметь, хороший, плохой, где, когда) можно найти во всех языках мира. К настоящему времени универсалий, совпадающих с набором «семантических примитивов», в которых обнаруживается «психическая общность человечества», насчитывается более шестидесяти.

В отличие от них, культуроспецифические концепты, как подчеркивает Вежбицкая, являются не врожденными, а благоприобретенными. Специфику той или иной культуры наиболее точно передают те концепты и ключевые слова, которые не встречаются в языках других народов и не поддаются адекватному переводу на эти языки, а значит, не имеют семантических эквивалентов. (В частности, для русской ментальности, как справедливо считает Вежбицкая, специфическими ключевыми словами являются душа, судьба, тоска, счастье, авось, разлука, справедливость и др.) [2]. Исследовательница проявляет большой интерес к языку русской культуры. В журнале «Русский язык в научном освещении» (2002, №4) была опубликована ее статья «Русские культурные скрипты и их отражение в языке». Под «культурными скриптами» Вежбицкая понимает общепринятые в культуре того или иного народа мнения (предписания) относительно того, что позволительно или непозволительно в человеческом поведении, в том числе речевом. Это своего рода «наивная аксиология», отраженная в языке. У разных народов системы ценностей могут в чем-то совпадать, а в чем-то различаться, притом существенно. Некоторые из этих совпадений и различий будут показаны нами в дальнейшем.

Благодаря таким фундаментальным работам А. Вежбицкой, как *Semantic Primitives*. Frankfurt, 1972; *Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York, 1992; *Semantics: Primes and Universals*. Oxford, 1996; *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese*. New York, 1997, и др. (частично эти работы

были переведены на русский язык; недавно издана книга избранных статей «Семантические универсалии и базисные концепты» – М., 2011) обозначилось целое направление в исследовании культурно-языковой картины мира. Оно состоит в изучении универсальных элементарных концептов (общего семантического «ядра» всех естественных языков) и ключевых специфических слов, понятий, синтаксических конструкций, различных у разных народов.

С другой стороны, А. Вежбицкая, опираясь на идеи В. фон Гумбольдта и его последователей, твердо стоит на той точке зрения, что «несмотря на наличие универсалий, в целом семантические системы, воплощенные в различных языках, уникальны и культуроспецифичны» [3]. Гумбольдт, наряду с И.Г. Гердером, был основателем этнолингвистики – того направления, которое сосредотачивает внимание на изучении связей языка с культурой и ментальностью того или иного народа. В США изучение языков и культуры американских индейцев способствовало возникновению в 1920–х гг. гипотезы Сэпира–Уорфа о глубоком влиянии языка на восприятие социальной действительности, на становление и развитие логических и мировоззренческих категорий. Согласно этой гипотезе, язык во многом формирует национальную культуру. Эти взгляды оказались во многом близки современным представителям этнолингвистики. Существуют и другая точка зрения – о том, что, напротив, именно культура является определяющим фактором в становлении и развитии языка (этой версии в XX в. придерживались, например, Л. Леви-Брюль, Л.С. Выготский). О взаимовлиянии языка и культуры говорили в своих работах В.Г. Костомаров, В.М. Живов, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский.

Сильной стороной окончательно сформировавшегося к концу 1960–х гг., благодаря трудам Вежбицкой и ее единомышленников, семантического этнокультурного направления является, на наш взгляд, развенчание лингвистического агностицизма, характерного для таких известных американских лингвистов XX века, как Леонард Блумфилд и Ноэм Хомский. В своем стремлении обосновать лингвистику как строгую науку они предпочитали изучать в основном формы слов и синтаксических конструкций.

В конце 1950–х – начале 1960–х гг. в науке о языке началась так называемая «когнитивная революция», в ходе которой интеллект («mind») и значение были возвращены в научную сферу. Одним из лидеров ее был Н. Хомский, автор книги «Язык и мышление». Однако он считал, что синтаксические правила, основанные на чистой логике, независимы от семантики. В таком случае «язык, определенный как множество цепочек неинтерпретированных символов, подобен компьютерному языку» [4]. Под влиянием стремительного прогресса в области информационных технологий когнитивная лингвистика лишилась первоначального импульса, и внимание ее представителей переместилось, по признанию одного из них, Джерома Брунера, «от «значения» к «информации», от создания значения к обработке информации. Это глубоко различные вещи... Информация индифферентна к значению» [5].

Большим достоинством работ А. Вежбицкой и ее последователей, которых немало в нашей стране, является успешное сопротивление дегуманизации языкознания и возвращение значению слова его достойное, первостепенно важное место в науке. Однако, как представляется, в концептуально-лингвистической теории Вежбицкой, в ее, как она сама выражается, «радикальном семантизме» можно увидеть некоторые издержки. Они с особой очевидностью проявились, когда исследовательница предприняла смелую попытку «перевести» на ЕСМ евангельские притчи. Вот как выглядит, например, притча о милосердном самарянине, которая, по мнению Вежбицкой, «четко выражена на буквальном и неметафорическом языке»: «Когда ты увидишь, что нечто плохое происходит с человеком, будет хорошо, если ты сделаешь что-то хорошее для этого человека» [6].

А вот «перевод» притчи о мытаре и фарисее: «не хорошо, если ты думаешь: «я хороший человек» «я делаю хорошие вещи» «я не такой, как другие люди», «это хорошо» [7].

Казалось бы, с такой предельно ясной интерпретацией не поспоришь. Но возникает вопрос, почему Христос не говорил с людьми на подобном элементарном языке «универсальных человеческих понятий, выражаемых в виде слов или

морфем, которые могут быть идентифицированы во всех языках»? Он избрал совсем иной путь – язык метафорических образов, и эти образы, кстати, тоже предельно просты и общедоступны: вышел сеятель сеять, женщина потеряла монету, купец нашел драгоценную жемчужину, человек решил устроить пир и позвать гостей... Все эти бытовые ситуации близки и понятны любому. Но образ, в отличие от элементарных понятий, воздействует на всего человека, захватывает сердце и ум, заставляет их работать, он обнаруживает способность перерастать в символ, а символ открывает перспективу бесконечного развития и раскрытия заложенного в нем смысла... Притча требует внутреннего труда постигающих ее.

Замечательному ученому Анне Вежбицкой трудно возражать на рациональном уровне, но на уровне более глубоком, духовно-смысловом, ее переводы евангельских текстов на язык «универсальных человеческих понятий», абстрактных элементарных сентенций оставляют чувство неудовлетворенности и недоумения. В самом деле, какая необходимость делать плоским и примитивным евангельский текст? Продуктивно ли сводить высшее к низшему? Следует ли, справедливо возражая против отделения формы от содержания, впадать в противоположную крайность и отделять, со своей стороны, содержание от формы, тем самым обеднив и обмелив это содержание, лишив притчу ее красоты и тайны и подменив ее мудрость примитивными рассудочными формулами?..

Однако среди Евангельских притч есть одна, относительно которой все же потребовалось развернутое (но совсем не упрощенное, не примитивное) разъяснение. Это притча о Сеятеле (Лк.8: 5-15). Слово предстает здесь в образе зерна, семени, а человеческое сердце – в образе земли, почвы.

П.А. Флоренский отмечает: «В Священном Писании аналогия слова и семени – одна из самых устойчивых, равно и во всей мировой, более или менее глубокой человеческой мысли. Гомологическим строением нашего организма объясняется глубокая связь рождений физического и духовного» [8].

Только добрая почва приносит плод. Сделать «почву» сердца готовой к принятию духовных зерен может постоянный внутренний труд по очищению сердца

от засорения суетными, пустыми помыслами, освобождение его от равнодушной окаменелости, «удобрение» благими чувствами, то есть, по сути, его окультуривание.

Цицерон в 45 г. до нашей эры в «Тускуланских беседах» переосмыслил прежний агротехнический термин «культура» в символическом ключе: культура есть возделывание души для ее плодоношения: «Как плодородное поле без возделывания (культуры – О.С.) не дает урожая, так и душа. Возделывание души – это и есть философия: она выпалывает в душе пороки, готовится к приятию посева и вверяет ей, так сказать, только те семена, которые, вызрев, приносят обильнейший урожай» [9]. В.И. Даль в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» дает подобное же определение культуры: это «обработка и уход, возделывание, возделка; образование, внутреннее и нравственное...» [10].

Итак, человек призван возделывать свою душу, как землю. Слова высшей мудрости, подобно отборным зернам, засевают ее, и происходит прорастание смысла бытия в словесном злаке, что обеспечивает обильное плодоношение в результатах жизни и творчества (созидательной деятельности человека). Слово – зерно культуры – является ее смыслообразующим центром.

Современной лингвистике удалось найти в слове ту исходную семантическую точку, которой в явленной форме нет и которая поэтому недоступна эмпирическому постижению. Это концепт (от лат. «conceptum» – зародыш, зерно, «conceptus» – прич. зачатый). В классической и средневековой латыни «conceptus» употребляли, как правило, именно как пассивное причастие со значением зачатый, а не как существительное со значением понятие. В новое время, напротив, сблизилась термины понятие и концепт. Однако академик Н.Ю. Шведова отмечает, что и в новое время во многих языковых ареалах употребление термина концепт сохраняет исходную мотивацию – метафору «зачаточной истины». Впервые в отечественной науке этот термин был употреблен С.А. Ас-

кольдовым-Алексеевым в 1928 г. При этом Аскольдов сохранял память об изначальной, породившей слово метафоре, понимая концепты как «почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей».

В наше время «концепт» прочно вошел в научный обиход как один из базовых междисциплинарных терминов. В конце XX века в сфере гуманитарных наук оформилось новое направление – «концептуально-культурологическое». Оно сделало возможным предельно широкий взгляд на слово, которое рассматривается как целостный объект и изучается на стыке наук – культурологии, лингвистики, философии, литературоведения, искусствоведения. Академик Ю. С. Степанов отмечает: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [11].

Профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Колесов в своей книге «Философия русского слова» (2002) определил концепт как зерно первосмысла, как синкретическое и диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака. Концепт направляет мысль тех, кто говорит на данном языке, но он представляет собою «чистое бытие», «идеальную сущность», и потому выявление его возможно лишь апофатическим путем. «Концепт развивается, только постоянно изменяя форму своего воплощения: являясь последовательно в образе, в понятии и в символе», – отмечает В.В. Колесов [12]. Он уподобляет невидимое присутствие концепта в слове с миром элементарных частиц и иррациональных чисел, с генными связями на клеточном уровне [13].

Со своей стороны, представители отечественной волновой генетики утверждают, что в каждом гене содержится информация, «записанная» в виде голограммы, и что структура молекулы ДНК схожа с человеческой речью [14]. Слово, как показывают проведенные учеными опыты, в буквальном смысле обнаруживает способность исцелять. Но оно, как известно, может ранить и губить – об

этом свидетельствует, например, зафиксированное современной наукой разрушительное влияние ненормативной лексики или проклятий на генетический код человека и состояние природы (воды, земли, растений, животных). В лагерях террористов обязательно находят экстремистскую литературу, провоцирующую, посредством словесного внушения, совершение таких злодеяний, которые не вмещаются в человеческое сознание. В словах, таким образом, обнаруживается мощное действие разнонаправленных духовных энергий. К.Г. Юнг, в частности, размышлял о специфической «побудительной» и «прогностической» энергии архетипов [15], или, как он их еще называл, «мыслеформ», исходящих из глубин бессознательного и заряжающих своей энергией символы и имена.

О светлой энергетической насыщенности слова в русской культуре и особенно классической литературе пристально и глубоко размышлял московский философ и политолог А.С. Панарин, чьи работы «Православная цивилизация в глобальном мире» (2002), «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (2003) и некоторые другие признаны значительным явлением в области современной русской мысли. Незадолго до своей кончины ученый писал, что можно говорить об «особой энергетичности великой русской литературы... Знание, принимаемое нашей культурой, имеет сакральный смысл – оно связано с православной энергетикой спасения... Ту самую антиномию, над которой бился Кант: либо знание получено сугубо дедуктивно, путем строгого логического вывода – и тогда оно достоверно, но, в сущности, не ново; либо оно получено эмпирически, из опыта, но тогда оно недостоверно – так разрешила русская культура слова эту антиномию. Энергетичность слова как раз и означает, что оно не есть продукт логической машины и в то же время в нем заключена большая достоверность, чем та, которую способен дать грешный эмпирический опыт. За разрешением этого противоречия русская культура обращается не к априорно-трансцендентальному – неким доопытно заложенным всеобщим формам чувственности и рассудка, а к трансцендентному скрытому источнику небесного огня, который таинственно-энергетично прорывается к нам, когда мы воодушевлены страстной верой, то

есть, настроены синэргетично. Вся классическая русская литература синэргетична – она обращается к человеку не от имени одного только «человеческого, слишком человеческого», а от имени высшей правды с ее небесным максимализмом» [16].

За этими утверждениями просматривается определенная традиция русской мысли: прежде всего, работы С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского об энергетике слова и имени, которые, в свою очередь, написаны под сильным влиянием исихастской традиции и в ее защиту.

Нельзя не отметить возросший в последнее время, в эпоху катастроф и острого кризиса прежних представлений о человеке, интерес к традиции исихазма как исторического, духовно-православного и антропологического явления, связанного с учением о Божественных энергиях и преображающей синэнергичной действенности слова. Настоящим научным подвигом, на наш взгляд, явилась почти тысячестраничная аннотированная библиография «Исихазм» (2004), в которой представлен полный свод литературы исихазма, составленный и прокомментированный трудами многих ученых. Том вышел под редакцией С.С. Хоружего, ученого, давно занимающегося разработкой исихастской темы в византийской и русской культуре. Следует также назвать изданный совсем недавно сборник «Византийские исихастские тексты» (М., 2012; составление, общая и научная редакция А. Г. Дунаева). Изучение названной традиции позволяет глубже понять соотношение слова и света, слова и тишины в национальном мировоззрении и художественной практике.

В 2006 г. в Киеве в рамках издаваемого собрания сочинений академика С.С. Аверинцева вышел том под названием «София-Логос. Словарь», который вместил все наиболее значительные статьи, написанные ученым в разные годы для энциклопедий и словарей, а также его статьи и заметки на современные темы. При всей академической строгости этого издания, в самом круге избранных тем и в отношении к ним ясно проявляется неповторимая индивидуальность автора. Надо сказать, что в конце XX – начале XXI века появился еще целый ряд изданий, казалось бы, справочных, которые, однако, несут на себе отчетливую печать

авторской индивидуальности. Среди таких современных изданий выделяется книга «Константы: словарь русской культуры», выдержавшая уже в новом веке несколько переизданий в виду своей чрезвычайной значимости для ученых-гуманитариев. Автор книги, академик Ю. С. Степанов, считает само ее появление на свет подлинным и активным «действием в сфере культуры». Он убежден, что концепты и константы существуют в культуре реально, независимо от нашего отношения к ним и индивидуального их употребления. И в то же время, в подборе, комплектации и рубрикации словарных статей, в толковании концептов он позволяет себе определенно и ярко, а подчас публицистично и полемично выражать свои не только научные, но и мировоззренческие позиции, социально-политические взгляды.

С точки зрения активного проявления авторской индивидуальности очень неординарен «Русский словарь языкового расширения», составленный А.И. Солженицыным. В него вошли бережно собираемые писателем на протяжении многих лет, начиная с послевоенного времени, редкие, забытые или полузабытые, но замечательно выразительные слова – областные, диалектные, старинные, извлеченные из книг классиков и современных писателей, взятые из словаря Даля. Писатель признается, что ему хотелось «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему» [17]. Словарь позволяет заново ощутить широту, глубину, свежесть, меткость и действенность русского слова.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в современных исследованиях, посвященных отечественной словесности, все более значительное внимание уделяется текстовым «опорам»: архетипам, универсалиям, ключевым словам, помогающим с новой полнотой и точностью раскрывать смысл отдельных произведений и познавать художественный мир писателя в его уникальной целостности. Среди работ такого рода, отличающихся методологической смелостью и исследовательской новизной, можно назвать, например, монографию Т.А. Касаткиной «О творящей природе слова», посвященной онтологии слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основе его «реализма в высшем смысле»; статьи и книги В.Е. Ветловской о Достоевском и Гоголе, в которых содержатся важные

открытия в области символики имен, чисел, деталей, слов. В целом ряде работ сделаны плодотворные наблюдения о специфике художественного языка А. Платонова, о ключевых словах в творчестве И. Шмелева и других писателей.

Как представляется, наиболее перспективными в современной гуманитарной науке являются исследования в области онтологической глубины слова, его духовно-смысловой энергии, его внутреннего единства, уникальных коммуникативных и синтезирующих возможностей, а также в сфере его бытования в разных исторических пластах отечественной культуры.

Кроме того, как представляется, необходимо изучать функционирование слова одновременно в историко-культурной и художественной сферах, показать слово и словесность в их живой неразрывной взаимосвязи и во взаимодействии с другими сферами русской культуры. Необходимо также, рассматривая традицию русского словоцентризма на каждом этапе ее становления и развития, продолжить осмысление роли слова и словесности в освоении духовного и исторического опыта народа, в формировании национального самосознания и мировоззрения.

Список литературы

1. Руденко Ю.К. Живое СЛОВО русской культуры // Сокурова О. Б. Слово в истории русской духовности и культуры / История и культура. Вып. 10. СПб, 2013. С. 13.
2. Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011. С. 27-49.
3. Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и базисные концепты. С. 35.
4. Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011. С. 24.
5. Bruner J. Acts of Meaning. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 1990. P. 4.
6. Вежбицкая Анна. Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям // Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011. С. 503.

7. Там же. С. 505.
8. Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М., 1998. С. 317.
9. Цицерон М.Т. Избр. соч. М., 1975. С. 252.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863-1866. Т. 2. С. 217.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. С. 43.
12. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002. С. 56, 62.
13. Помимо «Философии русского слова», следует выделить другие книги В. В. Колесова, посвященные истории отдельных ключевых слов и истории развития русского языка в контексте культуры и также свидетельствующие об активной научной и гражданской позиции ученого, – такие как «Жизнь происходит от слова...» (1999), «Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека» (2000), «Слово и дело» (2004), «Преображение слова» (2006), «Как наше слово отзовется...» (2011).
14. Гаряев П.П. Волновой геном // Энциклопедия русской мысли. М., 1994. Т.5; Гаряев П.П., Трубников Б.А. Семиотика ДНК. М.: Российский научный центр «Курчатовский институт».
15. Юнг Г.К. Архетип и символ / Сост. и вступ. статья А.М. Руткевича. М., 1991. С. 73.
16. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 322.
17. Русский словарь языкового расширения / Сост. А.И. Солженицын. М., 1990. С. 3.